

ГОНЧАРОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

«Фрегат «Паллада»

Скорей, скорей в путь!

«Я с радостью содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса – жизнь моя будет праздным отражением мелких, надоевших явлений...».

С такими мыслями новый аргонавт, а до сих пор отменный домосед, чиновник и писатель Иван Александрович Гончаров отправлялся в кругосветное плавание на фрегате «Паллада» в октябре 1852 года.

Гончаров, которого прозвали принц де-Лень за его малоподвижность, приверженность к дому, вещам, друзьям и вдруг - кругосветное путешествие? Да он и сам ужасался своей смелости.

Друзья отговаривали. Одна дама упрашивала ехать «лучше сухим путем кругом света».

Но в Гончарове заговорили детские воспоминания: дружба с морским офицером, рассказы о знаменитых мореплавателях, их открытиях, об опасностях службы на корабле.

Еще до отплытия Гончаров знал, что путешествие должно закончиться книгой. Ответственность тяготила:

«Я боялся, выдержит ли непривычный организм массу суровых обстоятельств... хватит ли души вместить... неожиданно развивающуюся картину мира? Ведь это дерзость почти титаническая! Где взять силы, чтобы воспринять массу великих впечатлений?».

Сомнения были напрасны. Вышедшая в 1859 году в Петербурге после плавания книга Гончарова «Фрегат «Паллада»» стала событием в литературе. При жизни писателя она была переиздана еще пять раз, многие отрывки из нее вошли в хрестоматии для чтения.

И это немудрено – предшественниками Гончарова в жанре «очерков путешествия» были Д.Фонвизин, Н. Карамзин, А. Пушкин.

Ивану Александровичу, по словам литературоведов – современников Гончарова, удалось создать настоящий «географический роман».

Он сумел передать личное впечатление, но все же достаточно объективное, обо всем увиденном и узнанном во время плавания.

На фрегате Гончаров был секретарем при адмирале Путятине. Военное судно шло с миссией - обозреть русские колонии в Америке и подготовить торговые переговоры с Японией.

Но потрепанный штормами парусный фрегат долго стоял на ремонте в английских доках, пропустил попутный ветер, и адмиралу пришлось менять курс. Обогнув мыс Доброй Надежды у Африки, фрегат пошел через Индийский океан к Китаю и Японии.

Кругосветки не получилось, но впечатлений и наблюдений было с лихвой.

Штормы и ураганы, зыбь, штиль, туман, несносная жара выпали на долю команды.

В походе Гончаров увидел и оценил слаженные действия матросов и офицеров в самых неблагоприятных погодных условиях. Он же приобрел «морские ноги», овладел морскими терминами и постепенно привык к жизни на корабле.

Многие события на корабле Гончаров описывает с иронией.

Во время шторма один офицер дал ему почитать «Историю кораблекрушений» Дункена «для успокоения воображения».

«Хорошо успокоение: прочесть подряд сто историй, одна страшнее и плачевнее другой, когда пускаешься года на три жить на море! – думал Гончаров. - ... Потом, вникая в устройство судна... видишь, что корабль погибает не легко и скоро, что он до последней доски борется с морем и носит в себе пропасть средств к защите и самосохранению...».

Первые сильные впечатления остались от пребывания в Лондоне:

«Мне хотелось путешествовать не официально..., а жить и смотреть на все... не задавая себе утомительных уроков: осматривать ежедневно...по столько-то улиц, музеев, зданий, церквей... Нужно, чтобы впечатления нежданно и негаданно сами собирались в душу...».

Поэтому Гончаров с наслаждением бродил по улицам, вглядывался в лица англичан, заходил в трактиры, магазины, на выставки, побывал в театре и Вестминском аббатстве.

Он с удивлением отметил практичность англичан: «*машинка, пружина, статистическая таблица*» здесь важнее, *потому что подчинены практической цели*». Чувствам места нет.

«Увижу новое, чужое и сейчас же в уме прикину на свой аршин, - рассуждал Гончаров. – Я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах и никакие океаны не смоят ее».

Острова Зеленого мыса, Мадейра, Капштат, Сингапур, Ява оставили если и не прекрасные, то добрые следы в душе в душе путешественника. Тропическая природа покорила его:

«Что за вечер! Это волшебное представление, роскошное, обаятельное пиришествво... Какими красками блещут последние лучи угасающего дня и сумрака воцарившейся ночи! В пространстве носятся какие-то звуки, лес дышит своей жизнью... Тепло, сильно пахнет чем-то пряным».

Океан бесконечно удивлял, завораживал и покорял его. И хотя Гончаров не любил аффектов, всего «черсчур», скептически относился ко всему яркому и неброскому, «морские» страницы книги стали самыми романтическими. Он писал:

«...Скажите, как назвать этот нежный воздух, который, как теплые волны, омывает, нежит и лелеет вас, этот блеск неба в его фантастическом неопisanном уборе, эти цвета, среди которых утопает вечернее солнце? Океан в золоте или золото в океане, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вечный, непрерывный пожар без дыма? ... Покой неба и моря...».

Но жара и духота изводили путешественника, и он мучился:

«Пить хочется – а чего? Вода теплая, отзывается чаем. Льду, льду бы да снегу: не дым, а лед отечества нам сладок и приятен!».

Во время плавания фрегата Гончаров стал свидетелем важных исторических событий: похороны полководца Веллингтона в Лондоне; война с кафрами в Южной Африке; восстание тайпинов в Китае.

В Японии он присутствовал при зарождении торговых отношений с этой страной. Это, закрытое ото всех в середине XIX века государство, «тридешатое царство», по выражению Гончарова, очень неохотно и с великими церемониями приоткрывало свои границы, удивлялось всему и поражало других.

«Да взаперти много не выдумаешь», - оправдывает страну Гончаров.

Его этнографические заметки – одежда, прически азиатов, склад лица и его выражение, гастрономические привычки, религия, уклад жизни и отношения между собой – очень точны и верны. Экзотика тропиков не помешала наблюдательному писателю разглядеть жизнь китайцев, малайцев, яванцев. Многие сцены написаны с юмором и доброй усмешкой.

Двухлетнее плавание фрегата было прервано начавшейся войной России с Турцией. Гончаров был вынужден покинуть славный корабль и в течение семи месяцев через всю Сибирь добираться до Петербурга более десяти тысяч верст то верхом на лошади, то в лодке по горным рекам, то в повозке. Язык не повернется назвать его после этого «принц де-Лень».

Через девятнадцать лет, когда Гончарову исполнилось почти шестьдесят лет, он снова отважился проситься в кругосветное плавание, но затем отказался от этой затеи - возраст, болезни, государева служба.

А «очерки путешествия» фрегата «Паллада» остались свидетелями трудного и прекрасного похода.